

Глава первая

— Тетя Беа, а кто был хитроумнее — Одиссей или Ной? — спросила Джейн, дуя на ложку с супом.

— Не ешь с кончика ложки, Джейн!

— А сбоку у меня фасоль проскальзывает мимо рта.

— Почему же у Сандры не проскальзывает?

— У нее рот как насос, а я так не умею.

— У тети Беа лицо как у очень дорогой кошки, — сказала Сандра, покосившись на тетку.

«Довольно точно подмечено, — подумала Беатриса, — но лучше бы в голову Сандры не приходили столь странные образы».

— Нет, но кто же из них все-таки был хитроумнее? — упорствовала Джейн. — Одиссей или Ной? Как ты считаешь, Саймон?

— Одиссей, — отозвался ее брат, не поднимая глаз от газеты.

«Как это у него получается? — подумала Беатриса. — Изучает результаты скачек в Ньюмаркете, сыплет перец себе в суп и еще следит за разговором, который ведется за столом».

— Почему ты так думаешь, Саймон? Почему Одиссей?

— Ему не сообщали прогноз погоды. Беа, не помнишь, какое место в прошлый раз занял Фарфлайт?

— Где-то в конце.

— Совершеннолетие — это ведь похоже на свадьбу, правда, Саймон? — спросила Сандра.

— Даже лучше.

— Почему?

— На праздновании своего совершеннолетия мне можно будет танцевать всю ночь. А на свадьбе так не получится.

— А я буду танцевать всю ночь на собственной свадьбе.

— С тебя станется.

«Господи! — подумала Беатриса. — В других домах дети за обедом, наверно, не несут такой вздор. Может быть, я с ними недостаточно строга?»

Она окинула взглядом три склоненные над тарелками головы и пустой стул Элеоноры. Все ли она для них сделала? Были бы Норма и Билл довольны тем, как Беатриса воспитала их детей? Если бы вдруг каким-то чудом они сейчас вошли в столовую — молодые, веселые, красивые, такие, какими их застала смерть, — сказали бы они: «Вот-вот, такими мы их себе и представляли: мы так и знали, что Джейн будет ходить замарашкой?»

Беатриса улыбнулась, задержавшись взглядом на Джейн. Близнецам — Сандре и Джейн — шел десятый год. Они были похожи друг на друга как

две капли воды. Но отличить Сандру от Джейн не составляло ни малейшего труда. У обеих были прямые льняные волосы, тонкие черты лица и бледная кожа, обе имели обыкновение с вызовом смотреть собеседнику в глаза. Но на этом сходство заканчивалось. На Джейн были заношенные бриджи и бесформенная фуфайка, из которой торчали концы ниток. Волосы она, не глядя в зеркало, зачесывала назад и прихватывала большой заколкой, которая светилась тусклым стальным блеском, как это бывает со старыми шпильками. Она немного косила и на уроки надевала очки в роговой оправе. Все остальное время она держала их в заднем кармане бриджей, и они без конца ломались, потому что она часто садилась, забывая про очки. В результате почти все ее карманные деньги уходили на их починку. На уроки к викарию она ездила верхом на старом белом пони Форпостере, у которого было такое широченное брюхо, что короткие ноги Джейн торчали по обе его стороны почти горизонтально. Форпостер давно уже считался не лошадью, а чем-то вроде коляски, и дети сидели у него на спине, как на перине.

Сандра — совсем другое дело. На ней красивое розовое платьице, которое даже не помялось от поездки на велосипеде на уроки к викарию. Ее руки были чисто вымыты, ногти подстрижены, и на голове красовался розовый бантик.

«Восемь лет, — думала Беатриса, — да, уже восемь лет, как я веду хозяйство, рассчитывая

каждую копейку, придумывая, на чем еще можно заработать, чтобы свести концы с концами». И вот через полтора месяца Саймону исполнится двадцать один год, он вступит во владение поместьем Лачет и сможет распоряжаться деньгами, завещанными ему матерью. Можно будет забыть о преследовавшем их восемь лет безденежье. Эшби никогда не были богаты, но, пока был жив брат Беатрисы Билл, денег вполне хватало на содержание дома и ведение хозяйства. После его внезапной смерти Беатрисе пришлось очень туго, но она раз и навсегда решила не прикасаться к деньгам, которые Нора завещала Саймону. Она наотрез отказалась занять деньги под будущее наследство, даже когда это предложил ее поверенный мистер Сэндел из фирмы «Коссет, Тринг и Ноубл». «Нет, — сказала Беатриса, — поместье должно себя оправдывать». И вот, по прошествии восьми лет, Лачет прочно стоит на ногах и не обременен долгами, а Саймон получит наследство матери нетронутым.

Беатриса сидела, устремив взор в окно. Там виднелась белая изгородь южного выгона и время от времени мелькал на солнце какой-то отблеск — это помахивала хвостом старая кобылица Регина. Лошади спасли их. Для Билла они были просто забавой, а Беатрисе они помогли сохранить дом. Из года в год, несмотря на болезни, сломанные ноги и разные прочие неприятные сюрпризы, которые преподносят своим хозяевам лошадки, конюшня неизменно приносила

доход. Правда, приходилось выкручиваться. Когда оказалось, что небольшой конный завод, который Билл держал для развлечения, съедает больше денег, чем приносит, Беатриса завела лохматых пони, которых можно было содержать в холодных выгонах на склонах холмов. А Элеонора умела тренировать сомнительных кляч, которых они выгодно продавали «для дамских прогулок». А теперь, когда в Клер-парке открыли частную школу, Элеонора дает ее ученикам уроки верховой езды — за весьма приличную плату.

— Что-то Элеонора задерживается, — сказала Беатриса.

— Она, кажется, дает урок молодой Парслоу? — спросил Саймон.

— Да, ей самой.

— Бедная лошадь, наверно, околела под ней.

Саймон встал, собрал суповые тарелки и пошел к буфету, на котором стояло блюдо с жарким. Беатриса смотрела, как он раскладывает жаркое, и радовалась, что она по крайней мере не избаловала Саймона, а это было немалым достижением, учитывая то, как он умел всех очаровывать. У него был такой доверчиво-беспомощный вид, и, хотя это впечатление было совершенно обманчивым, все попадались на этот крючок. Глядя, как он морочит людям голову, Беатриса внутренне улыбалась и даже до некоторой степени восхищалась его талантом. Если бы ей самой досталось такое обаяние, она, вероятно, тоже использовала

бы его ради своей выгоды. Но на удочку Саймона она не попадалась.

— Жалко, что на празднике не будет, как на свадьбах, подружек невесты, — сказала Сандра, с сомнением ковыряя вилкой доставшийся ей кусочек жаркого.

Вопрос о подружках невесты никого не заинтересовал.

— Мистер Пек говорит, что Одиссей был, наверно, страшным занудой и действовал на нервы Пенелопе, — неуклонно продолжала развивать свою тему Джейн.

— Да? — спросила Беатриса, заинтересовавшись этой новой интерпретацией классики. — Почему?

— Он говорит, что Одиссей, несомненно, придумывал разные глупые приспособления по дому, и она, вероятно, не прочь была от него немного отдохнуть. Отчего печенка такая скользкая?

Вошла Элеонора и, как всегда молча, положила себе на тарелку жаркого с блюда.

— Фи! — сморщила нос Сандра. — Воняет конюшней.

— Что ты так задержалась, Нелл? — спросила Беатриса.

— Она никогда не научится ездить верхом, — устало сказала Элеонора. — До сих пор не умеет привставать на стременах.

— Может, полоумные вообще не могут ездить верхом? — предположила Сандра.

— Сандра! — строго одернула ее Беатриса. — Эти дети вовсе не полоумные. Даже не «с отклонениями». Просто «трудные».

— Не знаю — ведут они себя как полоумные. А если кто-то ведет себя как полоумный, как догадаешься, что он нормальный?

На этот вопрос ни у кого не было ответа, и за столом воцарилось молчание. Элеонора набросилась на еду с аппетитом голодного школьника и не поднимала глаз от тарелки. Саймон вынул из кармана карандаш и стал прикидывать на полях газеты ставки на различных лошадей. Сандра, которая стащила в доме викария из стоящей на комодке коробки три печенья и съела их в уборной, строила на своей тарелке замок из гарнира, окруженный рвом, заполненным соусом. Джейн с удовольствием поглощала свою порцию. А Беатриса сидела и глядела в окно.

Там, за грядой холмов, начинался спуск к берегу моря и к Вестоверу. Но здесь, в долине, открытой солнцу и загороженной холмами от штормов, царило безмятежное спокойствие и деревья четко вырисовывались в прозрачном воздухе. Своей безупречной красотой и неподвижностью картина чем-то напоминала мираж.

«Отличное поместье достанется Саймону», — думала Беатриса. Сумеет ли он хорошо им распорядиться? Иногда ей становилось — нет, не страшно, а как-то не по себе. В душу закрадывалось сомнение: Саймон так переменчив, в нем есть какая-то нервная неустойчивость, которая

плохо вяжется с ролью хозяина поместья. Из всех окрестных усадеб только в Лачете еще живет семья, которой поместье принадлежит издавна. Беатрисе хотелось надеяться, что здесь будет жить еще не одно поколение Эшби. Светлоголовые, изящно сложенные, интеллигентные Эшби — вроде тех, что сейчас сидят за обеденным столом.

— Джейн, ну зачем же разбрызгивать кисель?

— Я не люблю, чтобы кисель стоял на тарелке отдельной лужей. Я люблю перемешивать его с пудингом.

— Ну перемешивай осторожнее.

Когда ей было столько лет, сколько сейчас Джейн, Беатриса тоже перемешивала кисель с пудингом — и делала это вот здесь же, за этим столом. За ним сидели Эшби, которые умерли от малярии в Индии, от ран в Крыму, от голода в Австралии, от тифа в Кейптауне и от цирроза печени в Сингапуре. Так или иначе, в Лачете всегда жили Эшби, и они прилежно занимались сельским хозяйством. Иногда рождались никчемные бездельники вроде ее двоюродного брата Уолтера, но Бог хранил семью, а легкомыслие всегда проявлялось в младших сыновьях, которые имели возможность заниматься поисками приключений вдали от Лачета.

В Лачете никогда не принимали королев и не прятали роялистов во времена Кромвеля. Вот уже триста лет дом стоит среди лугов, оставаясь, по сути дела, тем же — жилищем сельских помещиков. И вот уже двести лет в нем живут Эшби.

Может быть, Лачет уцелел только благодаря своей неприязнительности. Он ни на что не претендовал, ни к чему не стремился. Его корни прочно уходили в землю, и его соки возвращались к корням. На другой стороне долины посреди парка стояла царственно-великолепная усадьба Клер-парк, но в этом большом белом доме не осталось Ледингемов. Ледингемы растранижирили свои таланты и свои богатства: для них Клер-парк был пейзажем, источником денег, украшением, последним пристанищем — но не домом. Сколько их гарцевало по свету: проконсулов, путешественников, придворных шутов, повес и революционеров, — и поместье давало им средства, которые они не задумываясь проматывали. Теперь там остались только их портреты, а большой дом в парке превратился в школу для трудных детей, родители которых имели солидные счета в банке и придерживались прогрессивных взглядов на воспитание.

А в Лачете по-прежнему жили Эшби.

Глава вторая

Беатриса принялась разливать кофе, а близнецы встали из-за стола и отправились по своим делам: сегодня у них больше не было уроков. Элеонора торопливо выпила кофе и снова ушла на конюшню.

— Тебе сегодня понадобится машина? — спросил Беатрису Саймон. — Я обещал старику Гейтсу привезти ему теленка из Вестовера. У него сломался фургон.

— Нет, я никуда не собираюсь, — ответила Беатриса. С чего это Саймону вздумалось сделать старому Гейтсу одолжение? Обычно он не любит скучных дел. Уж не из-за дочки ли Гейтса, хорошенькой глупенькой Пегги? Гейтс, который арендовал у них Вигселл, самую маленькую из трех ферм, частенько приставал с разными просьбами, но Саймон, как правило, не склонен был потакать старому хитрецу.

— Вообще-то мне просто хочется посмотреть новый фильм с Джуной Кей. Он идет в «Эмпайр».

Любой другой принял бы на веру это сделанное с обезоруживающей откровенностью признание, но Беатриса хорошо знала, как искусно ее племянник умеет подбросить в воздух два шарика, чтобы отвлечь твое внимание от третьего.

— Тебе ничего не надо в городе?

— Если будет время, зайди на автобусную станцию и купи новое расписание. Элеонора говорит, что появился новый маршрут до Клера, который идет через Гессгейт.

— Беа, ты дома? — раздался голос в прихожей.

— Миссис Пек, — сказал Саймон и вышел навстречу гостье.

— Заходи, Нэнси, — позвала Беатриса. — Выпьем вместе кофе. Все уже разошлись.

Жена викария вошла в комнату, поставила на буфет пустую корзинку и со вздохом облегчения села на стул.

— От кофе не откажусь.

Когда в округе упоминали миссис Пек, всегда добавляли — «та самая Нэнси Ледингем», хотя прошло уже десять лет с тех пор, как Нэнси повергла в смятение высший свет, выйдя замуж за Джорджа Пека и «похоронив себя» в доме приходского священника. Когда Нэнси Ледингем впервые вывезли в свет, она стала не просто «открытием сезона», но и национальным достоянием. Дешевые газеты наперебой трубили о ее красоте. Может быть, прохожие и не влезали на скамейки, чтобы лучше ее рассмотреть, но ее появление не раз вызывало заторы на улицах. Если становилось известно, что она будет подружкой на свадебной церемонии, представителей власти за неделю начинала бить дрожь. Безмятежная прелесть Нэнси была настолько очевидна, что ее не отрицали даже недруги. Спор мог идти только о том, выйдет ли она замуж за герцога или только за виконта. Пресса даже предсказывала ей брак с членом королевской фамилии, но в это, пожалуй, никто не верил. Ее поклонники вполне удовлетворились бы титулом герцогини.

И вдруг в разгар обсуждения в «Татлере» ее блистательных брачных перспектив она вышла замуж за Джорджа Пека. Ошеломленная пресса, пытаясь как-нибудь объяснить этот пассаж

потрясенной публике, лепетала что-то о всепобеждающей силе любви. Но Джордж совсем не подходил на роль героя фатального романа. Это был высокий худой человек с лицом сообразительного и симпатичного шимпанзе. Кроме того, как выразился редактор отдела светской хроники «Кларитона»: «Извольте радоваться — священник. Да я скорее сочиню романтическую историю о бетономешалке!»

И широкая публика предала Нэнси забвению — раз она сама так захотела. Тетка, которая вывозила Нэнси в свет, вычеркнула ее из своего завещания. Ее отец умер, потеряв надежду расплатиться с долгами. А ее родной дом — большой белый особняк в парке — превратился в школу. После тринадцати лет замужества Нэнси Пек все еще была обворожительно красива, и, говоря о ней, соседи все еще напоминали слушателям: «Та самая Нэнси Ледингем».

— Я пришла за яйцами, — сказала Нэнси, — но я не спешу. Так хорошо посидеть, ничего не делая.

Беатриса посмотрела на нее с улыбкой.

— Какое у тебя милое лицо, Беа.

— Спасибо. Сандра говорит, что у меня лицо похоже на мордочку дорогой кошки.

— Какой вздор! Во всяком случае, не персидской. А, понятно, что она имеет в виду. Есть такие длинношерстные короткошерстные кошки с маленькими подбородками. Геральдические кошки. Ты действительно похожа на такую кошку, Беа,

особенно когда скашиваешь глаза, не поворачивая головы.

Нэнси поставила пустую чашку на стол и удовлетворенно вздохнула.

— Странно, что нонконформисты* не додумались до кофе.

— Не додумались?

— Ну да, не включили его в список запретных соблазнов. Кофе действует куда сильнее, чем алкоголь. Однако никто не проклиняет его с амвона и не требует обетов воздержания от него. Пять глотков — и мир опять обрел краски.

— А что — был совсем серым?

— Да, какого-то грязного цвета. Я так радовалась, что наконец-то стало тепло и не надо разжигать камин в гостиной и выгребать из него золу. Джордж — ну хоть убей его! — по-прежнему бросает в камин обгорелые спички. А на то, чтобы разжечь трубку, у него уходит по крайней мере пятнадцать спичек. В комнате на каждом шагу пепельницы и корзинки для мусора — но нет, Джордж все равно бросает спички в камин. Да к тому же таким небрежным движением, не глядя. И спичка летит куда угодно — может упасть перед решеткой или завалиться к задней стенке. А мне приходится их доставать.

---

* Нонконформисты — члены английских церковных организаций (пресвитериане, конгрегационалисты, методисты и др.), не признающие учения и обряды государственной англиканской церкви.

— И наверняка еще говорит: пусть лежат там.

— Конечно. Я совсем уже собралась взять стул и раскроить ему череп, но сейчас, выпив кофе, решила, что еще подожду.

— Бедняжка Нэнси. Ох уж эти священники!

— Ну как, готовитесь справлять совершеннолетие?

— Завтра отошлю приглашительные билеты в типографию. По крайней мере одно дело сделано. Сначала будет обед в доме для близких друзей, потом для всех окрестных жителей в большом сарае. Да, кстати, дай мне адрес Алекса.

— Я не помню — у него каждый раз новый. Посмотрю дома и позвоню. По-моему, его отовсюду выгоняют за неуплату. Да и вообще он пишет мне очень редко. Мой брат так и не простил мне, что я не вышла замуж за богатого человека, который обеспечил бы ему безбедное существование.

— Он что-нибудь играет в театре?

— Не знаю. В последний раз он играл в какой-то глупой комедии, которая продержалась в «Савое» всего несколько недель. У него очень ограниченное амплуа.

— Это верно.

— Алекс может изображать на сцене только самого себя. Тебе ужасно повезло, Беа, что ты воспитываешь молодых Эшби. У вас в семье рождается удивительно мало лоботрясов.

— У нас был Уолтер.

— Ну, один-единственный Уолтер. А что с ним в конце концов стало?

— Он умер.

— В ореоле святости?

— Нет, в ореоле карболки. Кажется, в больнице для бедных.

— Уолтер был не такой уж плохой человек. Просто он любил выпить, а пить не умел. А уж если у Ледингемов рождается лоботряс, то о нем вообще нельзя сказать ничего хорошего.

Они посидели молча, вспоминая своих родственников. Беатриса была на несколько лет старше Нэнси. Собственно говоря, они принадлежали к разным поколениям. Но обе всю жизнь прожили бок о бок: для юных Ледингемов Лачет был вторым домом, так же как для юных Эшби — Клер-парк.

— Последнее время мне все вспоминаются Билл и Нора, — сказала Нэнси. — Какой бы это был для них радостный день!

— Да, — задумчиво отозвалась Беатриса, глядя в окно. Вот так же она смотрела в окно, когда пришло это страшное известие. Был такой же солнечный весенний день. Она стояла у окна и думала, что Англия очень красива и вряд ли Билл с Норой видели в Европе страну красивее. Еще думала о Норе: сумела ли она оправиться после рождения девочек-близнецов? Думала, что, кажется, неплохо справилась со своими обязанностями в Лачете, но ей пора уже возвращаться домой в Лондон.